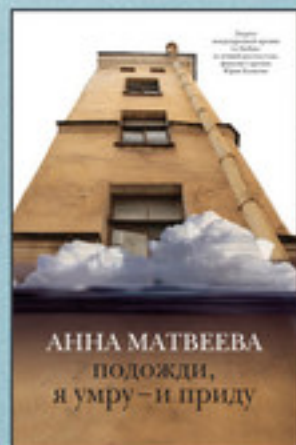

Анна Матвеева

День Патрика

*Часть сборника
Подожди, я умру – и приду
(сборник)*

Анна Матвеева

День Патрика

«АСТ»

2012

Матвеева А. А.

День Патрика / А. А. Матвеева — «АСТ», 2012

ISBN 978-5-457-23639-4

«Надо сказать, что с Верой у нас полное взаимопонимание: мы уже давно оплакали тот факт, что мы обе – девушки, то есть женщины. Потому что мы с Мокроусовой Верой – идеальная пара. Нам только мужчины издревле нравились разные, что только усугубляло нашу идеальную сочетаемость...»

ISBN 978-5-457-23639-4

© Матвеева А. А., 2012

© АСТ, 2012

Анна Матвеева

День Патрика

Месяц назад я стояла в университете перед доской, на которой висит расписание экзаменов и объявления:

Группе 201 срочно записаться на летнюю практику. Обращаться к старосте Куковякиной.

Ваня, почему ты ушел и меня не дождался? Приходи сегодня вечером к солдатской бане, вся чужая Ж.

(У этих явно был в программе «Мелкий бес», недавно причем.)

И последнее, написанное старательным крупным почерком:

Киностудия ищет девушку 20–22 лет для участия в съемках художественного фильма. Обращаться по адресу: улица Луначарского, киностудия, комната 207, Безматерных В.Ф.

– О! – сказала я себе и потом чуть громче повторила для Мокроусовой Веры, которая как раз вышла с кафедры истории печати: – О!

– В каком смысле «О!»? – не поняла Вера, и я указала ей на объявление.

– А вдруг там предусмотрены эротические сцены? – сморщилась Мокроусова.

Надо сказать, что с Верой у нас полное взаимопонимание: мы уже давно оплакали тот факт, что мы обе – девушки, то есть женщины. Потому что мы с Мокроусовой Верой – идеальная пара. Нам только мужчины издревле нравились разные, что только усугубляло нашу идеальную сочетаемость. Сначала мы с Верой учились вместе в школе, она была почти отличница, а я – чистоводный гуманитарий с тройками по физике, химии и обоим математикам. Зато в универ я поступила с первого раза, а Вера парилась еще год кафедральным лаборантом и теперь училась на курс младше.

– Эротические сцены на Свердловской киностудии... Оксюморон. Горячий снег. Плачущий большевик. Надо сходить, наверное, как ты считаешь?

Мокроусова пожала плечами – ее не привлекало массовое искусство.

Потому на смотрины я отправилась в одиночестве.

Сессия почти закончилась, остался всего один экзамен – заруба, зарубежная литература, которую я очень любила и поэтому совсем не готовила, думала, что и так сдам. На киностудию пошла пешком из универа – на мне были красные брюки-бананы и футболка с вышитой надписью: *Пушкин – это наше всё!* Мне эту футболку смастерила одна народная умелица по фамилии Мурдер.

В киностудийном холле сидела бабка-вахтер классического посола: серый халат, косынка, вездливый взгляд, газета, бубнящее радио, алюминиевое ведро у ноги.

– Чаво тебе? – спросила она, зыркая на мои красные брюки.

– Я к Безматерных Вэ Фэ. В кино хочу сниматься. По объявлению.

Бабка недобро глянула мне в глаза и начала крутить телефонный диск – даже мне, издали, было видно, какой он засаленный и черный. Вот бабка! Лучше бы вымыла телефон с порошком, чем тут нервы мотать.

– Светланиванна! – подобострастно закричала бабка в трубку. – Здрасьте вам, Калерефимна с вахты звонит!

Я, кстати, прямо не могу, когда звонят. И ложат. Если человек звонит и ложит, я с ним просто не могу общаться. Я с одним молодым человеком перестала общаться после того, как в один недобрый час он сказал мне по телефону: «Лена, это Миша звонит». Бр-р-р!

– Светланиванна, – лебезила бабка, – тут пришла кака-то женщина (здесь я обиделась – мне, между прочим, всего только двадцать лет исполнилось), говорит, что к Владимирфилиппычу сниматься. Пускать?

Выслушав ответ невидимой Светланиванны, бабка метко швырнула трубку на рычаги и мотнула головой в сторону:

– Проходи.

Киностудия казалась совершенно тихой, вымершей, какой бывает школа в июле, когда все нормальные дети уехали на дачи или юга и только я, бедная, хожу в дебильный городской лагерь, чтобы полоть юннатские грядки и отмывать беленые разводы... Справедливости ради надо сказать, что такое случилось всего один раз в жизни, поэтому, возможно, и въелось в память, как та самая побелка в крашенные стены. Наверное, думала я, всё дело в том, что киностудия почти обанкротилась – говорят, что здесь уже сдают площади в аренду всяким сомнительным предприятиям.

Дверь распахнулась будто сама по себе – внутри оказалась целая куча народу. Густые облака сигаретного дыма, спрессованные под потолком. Всё очень напоминало тайное собрание революционной молодежи, каким я его себе представляла по книгам и фильмам.

– Это вы пришли пробоваться? – строго спросила пухлявая женщина лет сорока, одетая в легкомысленную вязаную юбочку поносного цвета. Светлана Ивановна, догадалась я – потому что все остальные в комнате были мужчины. Волосы у Светланы Ивановны были заплетены в девичьи косички, черные с проседью, да и всё остальное в ней выдавало сильную страсть казаться моложе, чем она была, лет на двадцать. Я давно уже заметила такую склонность у женщин, близких к искусству.

Пока я всё это думала, вопрос Светланы Ивановны так и висел неотвеченный в воздухе. Опомнившись, я кивнула, и вдруг лысоватый человек с подозрительно красными щеками потряс в мою сторону рукой и крикнул:

– Маша! Вот она – Маша!

Я испуганно обернулась, но увидела за собою только дверь, белую и обыкновенную.

– Да вы садитесь, садитесь, – смягчилась вечно юная Светлана Ивановна, она убрала со стула круглую банку из-под киноплёнки, в которой лежало штук четыреста разных окурков.

Я села. Банку поставили мне под ноги, так что прямо в нос теперь летел удушающий запах.

– Нельзя это... убрать?

– А вы что, не курите? – осуждающе спросила Светлана Ивановна и затянулась щеками.

– Курю, но не люблю нюхать чужие окурки.

– Какой голос! Глубина! Маша! – снова вмешался Краснощекий. Я поняла, что «Маша» – это у него такое слово-паразит, типа «это самое» или «понимаешь». И еще я увидела, что под столом, скрываемая ногами остальных киношников, стоит большая бутылка с красно-черной этикеткой и прозрачным, в тон стеклянным стенкам, напитком.

– Как вас зовут? – спросила Светлана Ивановна.

– Лена.

– Маша! – обиженно поправил Краснощекий. – Я ее беру на роль без всяких согласований и проб. Идеальная Маша.

Вот оно что – *мою героиню* зовут Маша.

– Покурите, пожалуйста, – предложил сидевший до этого тихо мужчина с пегими волосами.

– Да я не хочу пока, спасибо.

– Ваша героиня много курит по ходу фильма. Нам надо посмотреть, *как* вы это делаете.

Я покорно достала из сумки пачку сигарет «Конгресс» и спички. Прикурила, затянулась и выпустила дым в пегого заказчика. Он радостно улыбнулся, видимо, я курила в точности как и полагалось пресловутой Маше.

Потом оказалось, что Пегий – это автор сценария, Краснощекий – режиссер, тот самый Безматерных Вэ Фэ, а Светлана Ивановна – директор фильма «Удивительный клад». Мне всё это рассказал помреж Олег – единственный более-менее нормальный человек из этого авторского коллектива. Олег угостил меня чашкой кофе в местном баре, дал с собой светло-коричневую книжечку и сказал:

– Сценарий! Почитай на досуге.

Таким тоном сказал, будто у меня теперь весь досуг будет посвящен мыслям о съемках в фильме «Удивительный клад». Я попрощалась и пошла на трамвайную остановку – надо было рассказать всё Мокроусовой.

Мы договорились встретиться в пиццерии – это была первая пиццерия в Свердловске, а раньше здесь располагался какой-то ресторан из вечно закрытых. Теперь тут сделали зеркальные стены, повесили на потолок уродливые золоченые светильники, на которые было больно смотреть (в прямом смысле «больно» – глаза начинали надуваться, а сосуды – лопаться), и стали продавать мелкие, плохо пропеченные пиццы с колбасой, с курицей или еще с грибами – черными и липкими, будто гудрон. Тесто тоже прилипало к зубам, но у нас не было выбора. Я же говорю, это была первая пиццерия в Свердловске, и мы припадали к дурманящим очагам цивилизации.

Мокроусова уже сидела за пластмассовым, неровно стоящим столиком и жадно кусала истекающее соками тело пиццы. Куриные лохмотья она съедала, а луковые кольца складывала брезгливо на край тарелки – и в этом наши вкусы сходились.

– Я тебе уже взяла пиццу. С курицей.

– Ой, спасибо, Вера, это так мило с твоей стороны!

– Ну, как сходилась?

– Утвердили, – скромно ответила я, разрезая пиццу на дольки.

– Да ты что? – поразила Мокроусова. – И будут снимать? А про что? И кого ты будешь играть? Проститутку?

– Почему это проститутку? – обиделась я. – Что, мне уже ничего другого нельзя доверить?

– Да нет, – успокоила меня Вера, – просто сейчас все фильмы снимают о тяжелом хлебе проститутток, вот я и подумала...

Некоторое время мы молча жевали. Потом я вспомнила:

– У меня же есть сценарий! Сейчас читаем...

Мокроусова уселась поудобнее, а я достала из сумки коричневую книжицу. В пиццерии было полным-полно народу, но все занимались обедом, и никто не обращал на нас внимания.

– Темно. Огромный ларец из позеленевшего металла открывается – и камера выхватывает блестящие нити бус, золотые слитки, неограниченные камни и ювелирные украшения, – выразительно читала я, – старческая рука тянется к сокровищам заскорузлыми пальцами. Внезапно раздается отвратительный хохот... кстати, Мокроусова, ты помнишь, что я умею отвратительно хохотать? Где бы вот еще разжиться заскорузлыми пальцами... Раздается отвратительный хохот, и на экране появляется светящаяся кровавая надпись:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.